

Речевая аномалия как ошибка и как прием

В. И. Заика

Speech anomaly as a mistake and as a technique

V. I. Zaika

Владимир Иванович Заика – доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

Vladimir I. Zaika — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation

E-mail: w.i.zaika@gmail.com

ORCID 0000-0002-2206-772X

Статья поступила. 10.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

Received: 10/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

В работе предпринята попытка уточнить содержание некоторых понятий из инструментария исследования выразительности практической и художественной речи. Ошибка и приём (явления речи) рассмотрены как видовые понятия по отношению к аномалии как родовому. Ошибка и приём различаются не только ненамеренностью / намеренностью, но и соотношением с нормой. Понятие норма в языкознании определяется двояко (в силу двойственности многих лингвистических объектов как таковых): как правила (аспект порождения) и как прецеденты (аспект восприятия, описательный). На этом основании ошибка соотносится с нормой-правилами, а приём соотносится с нормой-прецедентами. Норма-правила – это язык (его составная часть), а норма-прецеденты – это речь (признанные образцовыми речевые употребления). Такое уточнение необходимо для разграничения «фона», на котором рассматриваются два вида аномалий. Чтобы более надёжно разграничить аномалии, применительно к аномалии-приему предложено использовать термин нулевая ступень, введенный преподавателями Льежского университета, авторами Общей риторики. Важнейшее свойство нормы относительно ошибки – правильность, важнейшее свойство нулевой ступени относительно приема – нейтральность. Существенным различием ошибки и приема является различие аспектов этих объектов, которые предопределены самым существенным различием этих аномалий: ошибки нечаянны, они возникают по тем или иным причинам, а приемы намеренны, они возникают с определенной целью. Описанные различия необходимы для решения вопросов различия приема в риторике и поэтике, а также использования ошибки как приема в практической и художественной речи.

This work attempts to clarify the content of some concepts from the tools for studying the expressiveness of practical and artistic speech. *Mistake* and *technique* (speech phenomena) are considered as specific concepts in relation to *anomaly* as a generic one. *Mistake* and *technique* differ not only in unintentionality/intentionality, but also in relation to the norm. The concept of norm in linguistics is defined in two ways (due to the duality of many linguistic objects as such): as rules (the aspect of generation) and as precedents (the aspect of perception, descriptive). On this basis, *mistake* is correlated with norm-rules, and *technique* is correlated with norm-precedents. Norm-rules are language (its component part), and norm-precedents are speech (recognized as exemplary speech uses). Such clarification is necessary to distinguish the background against which the two types of anomalies are considered. In order to more reliably distinguish between the anomalies, in relation to anomaly-technique, it is proposed to use the *zero stage* term, introduced by educators of the University of Liège, the authors of General Rhetoric. The most important property of *norm* in relation to *mistake* is correctness, the most important property of *zero stage* in relation to *technique* is neutrality. The essential difference between *mistake* and *technique* is the difference in aspects of these objects, which are predetermined by the most significant difference between these anomalies: mistakes are accidental, they arise for one reason or another, and techniques are intentional, they arise for a specific purpose. The described differences are necessary to resolve issues of differences in techniques in rhetoric and poetics, as well as the use of *mistake* as a technique in practical and artistic speech.

Ключевые слова: речевая аномалия, паралогизм, риторика, ошибка, прием, норма, нейтральность, нулевая ступень, каузальный аспект, телеологический аспект

Keywords: speech anomaly, parallogism, rhetoric, mistake, technique, norm, neutrality, zero stage, causal aspect, teleological aspect

УДК 81'42

OECD: 6.02OT

V

Постановка проблемы. Носитель языка имеет опыт языковой деятельности и представления об обычных, принятых, общепотребительных способах выражения мысли. Эти знания обеспечивают ощущение **аномалий** (отклонений, неправильностей), как вредных или полезных явлений, то есть как ошибок или приемов.

Ошибки вызывают лингвистический и дидактический интерес (предмет лингвистики и дидактики), приемы – риторический и поэтический (предмет риторики и поэтики). И те, и другие, будучи отклонениями, имеют много общего, но по-разному соотносены с нормой и, кроме того, требуют разных **аспектов рассмотрения**: неумышленное нарушение (ошибка) рассматривается с точки зрения обуславливающих ее факторов, а намеренное (прием) – с точки зрения умысла, цели, смысла. Отсутствие четкого представления о двух типах аномалий мешает выстроить строгие теоретические основания исследования приемов, реализуемых в практической и художественной речи. Обоснование такого различия и составляет проблему настоящей работы, что позволяет считать ее теоретическим исследованием в области стилистики.

Из истории вопроса. В античности осмысление фигуративности речи связано было со взглядами на связь между вещью и именем. Более раннему консервативному представлению о том, что имя вещи является ее свойством, то есть соответствует его природе (*фюсей*), во времена элеатов и, позднее, софистов стало противопоставляться представлению о том, что имя определяется обычаем, установлением, законом (*тесей*). Платон в диалоге «Кратил» показал всю проблематичность решения этого вопроса. Именно такое представление о связи имен и вещей – по установлению – стало важнейшим условием появления риторических воззрений. Эта концепция (тесей), как считает В. Н. Топоров, предполагала возможность создания новых форм связи, отличных от существующей, которая понималась как стилистически нейтральная. «Признание возможности разных форм языкового выражения одного и того же содержания привело к идее выбора стилистически отмеченных форм и к использованию их с целью убеждения слушающего» [ЛЭС, 1990, с. 542].

Историки лингвистических учений полагают, что «проблема языковой нормы, проблема выработки правил речи, достойной образованного человека» впервые возникла у софиста Протагора. Его известное высказывание «человек есть мера всех вещей» истолковывается и применительно к речевой деятельности. Как и прочие человеческие установления, языковые нормы условны и могут быть пересмотрены. Если язык не соответствует требованиям разума, он может усовершенствоваться человеком [ИЛУ, 1980, с. 124].

Понятие приема, как полагают исследователи, восходит к Горгию, современнику Протагора, известному составлением разного рода речей, в том числе и учебных. Речь «Похвала Елене» считается классической демонстрацией того, как слабый довод (Елена невинна, потому что поддалась словесному убеждению) сделать более сильным (слово, которое повлияло на нее как божественная воля и природное явление, мыслится как «обстоятельство непреодолимой силы»). Горгий «охотно экспериментирует с языком, использует замысловатые выражения, создает

неологизмы, использует поэтические приемы и т. д.» [Афонасин, 2020, с. 758]. Для него «изучение способа выражения мыслей далеко вышло за рамки искусства красноречия, превратившись в особую науку со своими особыми принципами и критериями достоверности». В этом состоит самый важный его вклад в античную риторику [Там же, с. 761].

Развитие риторики Аристотелем было связано с критикой софистов. В работе «О софистических опровержениях», философ подробно комментирует софистические силлогизмы, «которые только кажутся опровержениями, но суть паралогизмы [ошибки], а не опровержения» [Аристотель, 1978, с. 535]. Разграничены два типа таких паралогизмов (используемых для опровержения): одни обусловлены особенностями употребления языковых единиц, другие вызваны неправильной связью мыслей. В главе IV описаны шесть видов опровержений (то есть видов ошибок), которыми создается «на основании оборотов речи видимость опровержения». Это

омонимия (употребление одинаковых слов чревато отождествлением разных понятий),

амфиболия – двусмысленная конструкция (неразличение подлежащего и дополнения допускает двоякое толкование),

соединение и разъединение (слова соединены при отсутствии логической связи между названными предметами или словами разделяется то, что логически неразделимо),

неправильное *произношение* (изменение смысла при изменении ударения),

двусмысленные *грамматические формы* (смешение женского и мужского рода вследствие омонимии окончаний) [Там же, с. 538–540].

Аристотель описывает паралогизмы как проблемные точки, которые могут быть как ошибками, так и приемами. Е. В. Ключев, который использует термин паралогизм с учетом двойственности явления, противопоставляя его ошибке, отмечает: «скорее всего, фигуры осознавались как "пары" логическим ошибкам: для тех, кто действительно владел риторикой <...>, логические ошибки не могли представлять серьезной опасности: ими механизм был изучен вдоль и в буквальном смысле поперек (вдоль – как логический, поперек, как паралогический) и мог продуктивно эксплуатироваться, что называется, в обоих направлениях» [Ключев, 1999, с. 169]. Автор полагает, что «речь должна идти как раз об использовании одного и того же механизма, но развернутого в прямо противоположные стороны. В этом смысле получается, что фигура есть просто и откровенно "запуск" механизма ошибки в обратном направлении» [Там же].

В самом общем виде механизмом (который может быть одинаковым у ошибки и приема) является аномалия формы. Конечно, говорить об «использовании», «продуктивной эксплуатации» применительно к ошибкам нельзя: ошибки случаются. Но хорошо известная общность терминов (*амфиболия, алогизм, анаколупф, гипаллага, гистерология, диафора, инверсия, катахреза, контаминация, окказионализм, плока, тавтология* и мн. др.) связана именно с идентичностью механизмов многих ошибок и приемов. И эта общность показывает, как аномалия сближает два совершенно разнородных типа явлений.

В работе «Языковые аномалии: типы и функции» Ю. Д. Апресян дает широкое определение аномалии, это «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы [Апресян, 1999, с. 50]. Приводится ряд оснований классификации этого явления, причем содержательно наиболее важным считается деление аномалий на **ненамеренные** и **намеренные**.

В намеренных аномалиях, которые «выполняют какие-то полезные функции в соответствии с замыслом их автора», разграничиваются **авторские**, в этих случаях «говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта» и **экспериментальные**, создаваемые лингвистами, чтобы получить новые знания о языке [Там же, с. 51]. Ненамеренные разделены на **деструктивные** (индивидуальные), нерегулярные, сделанные по недостаточному знанию языка или случайно, и **конструктивные** (типичные), которые являются точками роста новых явлений, источниками «обновления и развития языка». Такие аномалии порождаются противоречиями между системой и узусом или противоречиями в самой системе [Там же, с. 63-64].

Лингвистический интерес к ненамеренным аномалиям убедительно обоснован и хорошо известен. Например, Вилем Матезиус в работе о языковой правильности, писал: «Для языковеда нет разницы между словами, формами и предложениями грамматически верными и неверными, более того, так называемые ошибки предоставляют ему очень часто редкий материал для анализа языка» [Матезиус, 1982, с. 60].

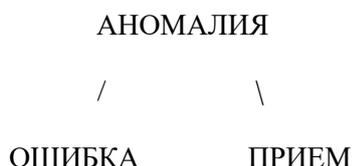
Оба типа аномалий рассматриваются в культуре речи –распространенной и востребованной учебной дисциплине. Рассуждая о понятии **культура речи**, Г. О. Винокур утверждал, что его «можно толковать в двояком смысле, в зависимости от того, будем ли мы иметь в виду одну только правильную речь или же также речь умелую, искусную» [Винокур, 1967, с. 10]. В пределах культуры речи как современной дисциплины одна из ее частей – **ортология** – сосредоточена на обучении речи правильной («говорить грамотно, правильно, так, как велит культурная среда»), а другая часть – **риторика** – на обучении речи искусной («говорить умело, мастерски, как пишут и говорят мастера, художники речи» [Там же, с. 13], одна предупреждает **ошибки**, другая научает в том числе и **приемам**.

Описание двух типов аномалий, которое составляет содержание словаря-справочника «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты», обосновывается так: «одной из составляющих коммуникативной компетенции развитой языковой личности являются не только знания и умения, необходимые для построения **правильной речи** (речи без нарушений литературно-языковых норм), но и знания и умения, позволяющие создавать речь **выразительную** (т. е. речь, способную воздействовать определенным образом на слушателя или читателя)» [ЭСС, 2005, с. 3].

Методологические основания исследования. Принципом исследования является предпочтение дедукции иным способами познания, так как она предполагает опору на интеллектуальную интуицию. Положения концепций В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра о двойственности языковых явлений, а также сформулированная

Вильгельм Дильтеем и уточненная Генрихом Риккертом идея о различиях **естественных** (о природе) и **гуманитарных** (о духе, о культуре) наук, требующих, соответственно, каузального (изучающего причины) и телеологического (изучающего цели, смыслы) подходов к объекту исследования.

Теоретическое исследование. Представим родо-видовые отношения рассматриваемых понятий ошибка, прием и аномалия в схеме.

Приведенная схема является упрощенной, поскольку понятие аномалии является двойственным. Объясним эту двойственность

Ошибка, как аномалия, соотносится с **нормой** (греч. $\alpha\nu\omicron\mu\omicron\sigma$: где α – отрицание, противоположность; $\nu\omicron\mu\omicron\sigma$ – закон, норма), которая в дефинициях определяется либо как **правила** употребления, «правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств» [РЯЭ, 1997, с. 270], «совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи» [РГЭС, 2002], либо как одобренные **прецеденты**: «общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих и признанное на данном этапе развития литературного языка правильным, образцовым» [СЭС, 2011, с. 433–434], либо двойко: как **правила**, и как **прецеденты**: «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [Ахманова, 1966, с. 270].

Обычно двойность эта указывается без разъяснений. Между тем это различие очевидно: норма как правила, как прескрипции – это «порождающая» точка зрения, а норма как прецеденты правильного употребления – это «описательная» точка зрения. Подобное двойное определение наблюдается, например, в дефинициях **жанра**, определяемого как тип текстов и/или как модель.

Ошибка – явление речи, нарушение предписаний языка (словаря и/или грамматики) по причине незнания или неточного знания этих предписаний.

Норма «охраняет» систему, предупреждает ошибки, но ошибки (как правило, конструктивные по Ю. Д. Апресяну), будучи частотными, изменяют норму. «Язык исправляется ошибками» [Шкловский, 1983, с. 273].

Прием – тоже явление речи и тоже нарушение предписаний языка, но с определенным намерением. Отправитель не только знает предписания, но и знает, как их эффективно нарушить.

Подробно описанные Аристотелем паралогизмы являются ошибками только для философа (который знает о положении вещей, знает, как «на самом деле»); с точки зрения софиста – это приемы, софистические уловки, словесные ухищрения, используемые для убеждения собеседника, а также для введения его в заблуждение,

они не могут быть нечаянными, по причине плохого знания правил применения языковых средств; а с точки зрения воспринимающего – это убедительные опровержения.

Вероятно, ошибка глоттогенетически предшествует приему. Допущенная фонетическая, лексическая или грамматическая неточность может переключать внимание воспринимающего с предвосхищаемого смысла высказывания на обозрение говорящего («Откуда ты такой грамотный взялся?»), а также на производимый этим нарушением эффект и перспективы продуктивного использования наблюдаемой аномалии.

Итак, ошибки как вид аномалий соотносятся с нормой.

По отношению к аномалиям-приемам понятие нормы может показаться не вполне приемлемым, даже несмотря на то что многие аномалии образуют пары «ошибка-прием» на основании общего субстрата (механизма). Приемы рассматривались еще Квинтилианом не относительно нормы, а как «обновление формы», как «отклонение мысли от обыденной и простой формы» [ЛЭС, 1990, с. 542]. Нестрогие термины «простая форма», «обыденная форма» вовсе не синонимичны термину **норма**. Они обозначают **нейтральность**.

Ю. М. Скребнев, рассуждая о проблемах стилистики, подчеркивал невозможность отождествления неравнозначных понятий «нормативного» и «нейтрального»: «Стилеобразующая специфика действительно является «отклонением» от нейтрального (общеупотребительного максимально частотного), но отнюдь не от нормативного, т. е. либо достоверно санкционированного узусом, либо отсутствующего в опыте, но приемлемого по аналогии» [Скребнев, 1991, с. 165].

Полагаем, что и в приводимых выше определениях нормы, правила – более «жесткая», строгая сторона этого явления, правилами «охраняются» и узакониваются обыденные, простые и потому частотные реализации, правилами обеспечивается «прозрачность» речи, дающая возможность сосредоточиться на выражаемой мысли. Прецеденты – менее жесткая и строгая сторона нормы. Эти прецеденты – «принятое речевое употребление языковых средств» – в своей совокупности и создают **нейтральность**. На фоне этой нейтральности рассматривается не только специфика стиля, но и аномалии-приемы.

По отношению к аномалии-приему авторы «Общей риторики» – «Группа **μ**» (преподаватели Льежского университета) – использовали в своей теории качестве базового понятие **нулевая ступень**. Вводя это понятие авторы делают множество оговорок о нейтральном, являющемся нормой дискурсе, «без украшательств», и каких-либо намеков [Дюбуа и др., 1986, с. 68]; оговорок о том, что определить, является ли какой-то контекст образным и установить, что говорящий воспользовался словом без всякого подтекста, очень **непросто** [Там же, с. 68—69]. Считая, что нулевая ступень «не является частью языка», «находится вне обычного употребления языка», льежцы называют ее неким «пределом» [Там же, с. 69].

Многие исследователи фигуративной речи не видят необходимости в применении этого понятия, например, не считая благодарным занятием поиск нулевой формы [Хазагеров, 2018, с. 362]. Е. В. Ключев считает, что это понятие

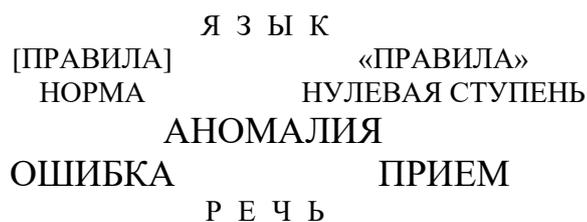
существенно для поэтики, а не для риторики, что концепция льежской группы «есть концепция воспринимающего сообщение, но не концепция создающего сообщение, концепция слушателя, но не концепция говорящего». А процедура, применения тропа или фигуры не требует от говорящего осознания того, что он отклоняется от какой-то представляемой в сознании нулевой ступени [Клюев, 1999, с. 168]. Полагаем, это понятие вполне продуктивно для обеих областей применения фигур (риторики и поэтики), если его понимать согласно авторским представлениям.

Примечательно, что для иллюстрации своего понимания нулевой ступени льежцы приводят пример из Жана Полана, подобный примеру, который привел Джон Сёрль в работе «Что такое речевой акт?» [Серль, 1986, с. 155]. Высказывания («Джон выйдет из комнаты?», «Джон выйдет из комнаты» и т. д.), имеют одинаковую референцию и предикацию – то есть общее содержание, но при этом являются разными иллокутивными актами (вопрос, утверждение и т. д.). Это общее содержание Дж. Серль назвал суждением, **пропозицией**. Если вопрос, утверждение, просьба и т.д. – это речевые акты с разной иллокутивной силой, то пропозиция не является речевым актом. Пропозицию можно только подумать [Там же, с. 155-156].

Нам представляется, что **нулевая ступень** по своей невыраженности подобна **пропозиции**. Нулевую ступень можно только подумать. Нигде не утверждается, что эта мысль непременно должна быть ясной. Цветан Тодоров уже после появления «Общей риторики» тоже использует метафору «предел» для описания типологического признака нулевой ступени (без применения термина): «Противоположная фигурам прозрачность, незаметность словесной оболочки высказывания также представляет собой лишь некую идеальную границу, предел (к которому ближе всего, вероятно, тексты чисто функционального, утилитарного характера) – предел, который полезно иметь в виду, хотя в действительности он никогда не встречается в чистом виде» [Тодоров, 1975, с. 57]. Нулевую ступень как предел следует иметь в виду как в процессе построения фигуративной речи, так и в процессе ее восприятия.

Если связь «норма / ошибка» является взаимонаправленной (норма препятствует ошибке, ошибка настойчивым воздействием изменяет норму), то отношениях «нулевая ступень / прием» взаимонаправленность иного рода. Ошибка радикально меняет предписание, а прием, реализованный в высказывании, не может так очевидно воздействовать на нулевую ступень уже потому, что ее можно только иметь в виду. Частота применения эффективного приема нейтрализует его необычность и пополняет нейтральный арсенал нулевой ступени.

Представим более подробную схему рассматриваемых понятий. В которой «фоном» ошибки как аномалии является норма, а фоном приема – нулевая ступень.

Нулевая ступень сложнее нормы, потому что включает норму (в смысле, близком к иронии). В случае ошибки говорящий в неведении относительно нормы, слушающий замечает форму и переключает внимание с построения смысла на говорящего (или не замечает и не переключает). В случае приема говорящий знает об обычном способе выражения, «защищенном» нормой, строит необычную форму выражения в том числе и с нарушением нормы, имея цель особенно выразить мысль, а слушающий (замечая или не замечая отклонение) выстраивает смысл, верит тому, что слышит.

Конечно, приемы обеспечивают значительно больше эффектов, чем придание речи убедительности. Эмануэле Тезауро, профессор риторики итальянских университетов XVII в., писал о вторичных функциях фигуративной речи, из которой рождается «двойственное услаждение и для того, кто слагает изящный концепт, и для того, кто выслушивает его. Ибо первый услаждается, когда возбуждает разум собеседника и дает жизнь драгоценному отродью Вымысла, а другой радуется, когда способен ловить на лету своим соображением то, что лукавый собеседник высказывает и в то же время прячет» [Тезауро, 2002, с. 19]. Фигура понималась и как вид построения речи, и как отклонение от нормы для услаждения слуха [ЛЭС, 1990, с. 542]. В процессе речевой деятельности многие приемы, будучи употребительными, становятся привычными, незаметными.

Относительно различий нормы и нулевой ступени можно сказать, что эти два понятия отличаются тем, что норма – это составная «часть языка», а нулевая ступень – это вообще не о языке. И не потому что, как утверждают лжецы, она «не является частью языка» и «находится вне обычного употребления языка», а потому что это именно **употребление языка**, то есть это **речь**. Невозможность вербализовать нулевую ступень (предел, нейтральность «в чистом виде») не мешает считать ее речью, это (подобно пропозиции) состояние этой речи на одной из стадий, предшествующих фонации. Нужно заметить, что термины *язык* и *речь* в «Общей риторике» употребляются далеко не строго. И определять, что подразумевают авторы: язык или речь, применяя термин язык, помогает только контекст.

Обратим внимание еще на одно принципиальное отличие двух видов аномалий. Аномалия, как и любой объект, может быть рассмотрена в принципиально различных аспектах: **каузальном** (в аспекте причин, условий, факторов и т.д.) и **телеологическом** (в аспекте целей, смыслов, функций и т.д.). Результаты рассмотрения в этих аспектах отвечают на разные вопросы: «почему?» (каузальный) и «зачем?» (телеологический).

Упомянутое выше различие античных концепций тесей и фюсей тоже связано с этой противоположностью. Сторонники концепции фюсей усматривали и считали главной **каузальную** связь имени и вещи (имя таково, потому что соответствует природе вещи), сторонники концепции тесей считали, что связь имени и вещи существенна только телеологически, так как цель связи имени и вещи, то есть создания слова, – функция, поэтому эта связь установлена говорящими и закреплена законом.

В обыденной коммуникации это принципиальное различие вопросов часто бывает неактуальным и незаметным. Например, в речи ведущей передачи о музыке: *Эмоция, присущая всем секвенциям в мире: это устремление вперед, развивающее*

начало, некая "раскрутка" или "накачка"...; собственно, это развитие – и есть главная цель секвенций, главная причина, по которой их следует использовать.

В начальном фильме «Знакомство» сериала «Дживс и Вустер» Берти Вустер пытается объяснить свой хулиганский поступок кражи шлема у полицейского тем, что полицейские получают от этого удовольствие, и на вопрос сэра Родерика: *Ну и в чем ж здесь смысл?* ответил: *Смысл? Ну, это одна из традиций, которыми богат наш остров.*

В самом общем виде при рассмотрении ошибок как вида аномалий реализуется подход каузальный. Исследуются причины появления ненормативного ударения, метонимического наименования, употребления наречия в несвойственной ему функции сказуемого, дублирование предлогом семантики, выражаемой косвенным падежом, и объясняются условия появления нового акцентного варианта, нового лексико-семантического варианта, появления слова категории состояния и иных новшеств в языке. Можно сказать, что описывающая формирование функциональных разновидностей языка стилистика в значительной степени каузальна. В модели коммуникативной ситуации ее элементы (говорящий, слушающий, тема, канал связи), которые действуют на качество высказывания рассматриваются как причины, силы, факторы. Напротив, риторика в значительной степени телеологична, разумеется, если описание приемов не заканчивается описанием механизма, а непременно сопровождается описанием семантического эффекта, более подробным, чем «прием делает речь более выразительной».

Неразличение в разговорной коммуникации причин и целей – обычная неточность, но такое неразличение в исследовании – это методологическое заблуждение. В особенности это заблуждение вредит лингвистическому анализу художественного текста. Например, «подключение» сведений об обстоятельствах создания произведения, биографии автора к анализу художественного текста игнорирует автореферентность – важнейшее типологическое свойство художественного текста. Представители ОПОЯЗа подчеркивали важность телеологического аспекта – внимания к приему – для описания эстетической стороны художественной речи: «прием есть факт художественно-телеологический, определяемый своим заданием: в этом задании, то есть в стилистическом единстве художественного произведения, он получает свое эстетическое оправдание» [Жирмунский, 1977, с. 35].

М. В. Никитин разграничивает информацию **семиоимпликационную** – неявную информацию, которая не предназначена для передачи, хотя и может быть вычитана из текста, и **интенциональную**, предназначенную для выражения и выраженную в высказывании. Недоразумения, возникающие при анализе художественных текстов в связи с неразличением семиоимпликационной, то есть каузально существенной, и интенциональной, существенной телеологически, описаны нами в параграфе об интенциональности знака в работе [Заика, 1996, с. 125].

Результаты исследования. Применяемые в научной работе понятия, составляющие инструментарий, посредством которого исследователь получает новые знания, должны быть построены на ясных, хотя бы для самого исследователя,

основаниях. Известно, что описание результатов рефлексии о методах и понятиях, применяемых в собственном исследовании, – дело непростое: «в лингвистике редкие авторы, независимо от весомости их научного вклада, берут на себя труд сформулировать общеметодологические основы своих построений» [Фрумкина, 2004, с. 5].

Рассмотренные понятия актуальны для изучения выразительности практической и изобразительности художественной речи. Объединение видовых, как оказывается, явлений – ошибки и приема – родовым – аномалией – демонстрирует двойственность (со всеми признаками антиномии) одного из явлений речи, связанного с реализацией языка. Как и всякая аномалия, она позволяет размышлением о ней лучше осмыслить как ошибку, так и прием.

Казалось бы, монолитное понятие *норма* тоже является антиномичным, и эта антиномичность обнаруживается в проекции нормы на антиномичные же ошибку и прием.

Нечаянная ошибка (недочет) и намеренный прием (фигура) в силу принципиального различия своего положения в высказывании (тексте), требуют разных аспектов рассмотрения, предполагающих принципиально разные вопросы: «почему?» и «зачем?»

Ошибка каузальна. Об ошибке мы думаем, почему она возникла, какова причина ее, и что нужно сделать чтобы ее предотвратить.

Прием телеологичен. О приеме мы думаем, зачем здесь так сказано, не просто, а как-то необычно, какова цель такого странного употребления, обычно приемом автор говорит больше и ярче (возбуждая воображение), чем если бы он это сказал длинно и скучно, понятно, но не будя воображение.

Ясное представление исследователя о различии каузального и телеологического подходов (аспектов) необходимо для уточнения и упорядочения изучения риторических путей от мысли к слову, а также методических процедур анализа поэтического текста, чтобы преодолеть центробежные тенденции поиска ответа на вопрос за пределами текста, например, в биографии автора, и укрепить центростремительную направленность на текст, на прием, потому что только такая направленность обеспечивает эстетический эффект.

Выводы. Итак, в статье рассмотрены различия ошибки и приема как видов аномалий, их различное отношение к норме, выявлены разные стороны нормы, определено различие нормы и нулевой степени, а также описаны различия аспектов, которые следует применять в процессе изучения вариантов аномалий. Все эти теоретические сведения позволят в дальнейшем рассмотреть различие приема (телеологического в принципе) в риторическом материале – практической речи и поэтическом материале – художественной речи. Кроме того, все рассмотренные понятия позволят рассмотреть ошибку (каузальную в принципе) как прием в практической коммуникации при реализации разного рода функций речи и художественных текстах при реализации эстетической функции речи.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1990). Языковые аномалии: типы и функции. *Res Philologica: памяти академика Г.В. Степанова (1919-1986)*: сборник статей. Москва; Ленинград: Наука. 50–71.
- Аристотель. (1978). О софистических опровержениях. *Сочинения: в 4 т.* Москва: Мысль, 2, 535–593.
- Афонасин, Е. В. (2020). Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 14(2), 756–811.
- Ахманова, О. С. (1966) *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия.
- Винокур, Г. О. (1967) Из бесед о культуре речи. *Русская речь*. 3, 10–14.
- Дюбуа, Ж., Эделин, Ф., Кликенберг, Ж.-М. и др. (1986). *Общая риторика*; перевод с французского Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова; общая редакция и вступительная статья А. К. Авеличева. Москва: Прогресс.
- Жирмунский, В. М. (1977). *Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избранные труды*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Заика, В. И. (2006). *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород: Изд-во НовГУ.
- Клюев, Е. В. (1999). *Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция*: учебное пособие. Москва: Приор.
- Никитин, М. В. (1997). Предел семиотики. *Вопросы языкознания*. 1, 3–14.
- Серль, Дж. (1986). Что такое речевой акт. *Новое в зарубежной лингвистике: переводы. Вып. 17: Теория речевых актов*. Москва: Прогресс. 151–169.
- Скребнев, Ю. М. (1991). Аксиомы, псевдопроблемы и проблематика стилистики. *Вопросы языкознания*. 1, 163–167.
- Тезауро, Э. (2002). *Подзорная труба Аристотеля*. Перевод с итальянского. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Тодоров, Ц. (1998). *Теории символа*. Перевод с французского. Москва: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество.
- Фрумкина, Р. М. (2004). *Что мы делаем, когда мы говорим и думаем*. Препринт WP6/2004/04. Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ Москва: ГУ ВШЭ. URL: <https://studfile.net/preview/6015962/>
- Хазагеров, Г. Г. (2018). Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз. *Вестник РУДН. Серия. Лингвистика*. 22(2), 357–372.
- Шкловский, В. Б. (1983). *О теории прозы*. Москва: Советский писатель.
- Mathesius, V. (1982). *Jasyk, kultura a slovesnost*. Praha: Odeon.

References

- Apresyanyan, Y. D. (1990). Language anomalies: types and functions. *Res Philologica: in memory of academician G.V. Stepanov (1919–1986)*: collection of articles. Moscow; Leningrad: Nauka. 50–71. (In Russian).
- Aristotel' (1978). About sophistical refutations. Works: in 4 volumes. Moscow: Mysl'. 2, 535–593. (In Russian).
- Afonasin, E. V. (2020). Gorgias of Leontini. Fragments and testimonies. *Schole. SHOLJe. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2, 756–811. (In Russian).
- Akhmanova, O. S. (1966). Dictionary of linguistic terms. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija. (In Russian).
- Dubois, J., Adeline, F., Klikenberg, J., et al. (1986). General rhetoric. Transl. from French by E. E. Razlogova, B. P. Narumov. Moscow, Progress. (In Russian).
- Vinokur, G. O. (1967). From conversations about the culture of speech. *Russkaya rech'*, 3, 10–14. (In Russian).
- Zhirmunsky, V. M. (1977). Theory of literature. Poetics. Stylistics: selected works. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. (In Russian).
- Zaika, V. I. (2006). Essays on the theory of artistic speech. Veliky Novgorod: Novgorod State University Publishing House. (In Russian).
- Klyuev, E. V. (1999). Rhetoric: Invention. Disposition. Elocution: textbook. Moscow: Prior. (In Russian).
- Matezius, V. (1982). *Jasyk, kultura a slovesnost*. Praha: Odeon.
- Nikitin, M. V. (1997). The limit of semiotics. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 3–14. (In Russian).
- Searle, J. (1986). What is a speech act? *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: perevody. Vyp.17. Teorija rechevyh aktov* [New in foreign linguistics: translations. Vol. 17: Speech Act Theory]. Moscow: Progress, 151–169. (In Russian).
- Skrebnev, Yu. M. (1991). Axiomy, psevdoprobemy i problematika stilistiki *Voprosy jazykoznanija*, 1, 163–167. (In Russian).
- Tesauro, E. (2002). Aristotle's spyglass. Transl. from Italian. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Todorov, Ts. (1998). Theories of symbol. Transl. from French. Moscow: Dom intelektual'noj knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo. (In Russian).
- Frumkina, R. M. (2004). What we do when we talk and think. Preprint WP6/2004/04. WP6 series. Humanitarian Historical and Theoretical Studies. Moscow: State University Higher School of Economics. Retrieved from <https://studfile.net/preview/6015962/>. (In Russian).
- Hazagerov, G. G. (2018). Ritorika, grammatika, diskurs, gomeostaz. *Russian Journal of Linguistics*, 22, 2, 357–372. (In Russian).
- Shklovsky, V. B. (1983). About the theory of prose. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russian).

Источники

ИЛУ (1980) *История лингвистических учений: Древний мир*. Ленинград: Наука.

ЛЭС (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.

РГЭС (2002). *Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3-х т. Т. 2: З-П*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ: Владос. URL: http://www.2tq.ru/slovary/norma_yazykovaya.html

РЯЭ (1997). *Русский язык: энциклопедия*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия: Дрофа.

СЭС (2011). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. 2-е изд., стер. Москва: Флинта: Наука.

ЭСС (2005). *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты*. Москва: Флинта: Наука.

Sources

Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings (ESS) (2005). Moscow: Flinta: Nauka.

History of linguistic studies: The Ancient World (ILU) (1980). Leningrad: Nauka.

Linguistic encyclopedic dictionary (LES) (1990). Moscow: Sovetskaja jenciklopedija.

Russian language: Encyclopedia (RJaE) (1997). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija: Drofa.

Russian humanitarian encyclopedic dictionary: in 3 volumes. Т. 2: Z-P (RGES) (2002). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University: Vlados. Retrieved from http://www.2tq.ru/slovary/norma_yazykovaya.html (01.11.2023).

Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (SES) (2011). Moscow: Flinta: Nauka.

Для цитирования статьи:

Заика, В. И. (2023). Речевая аномалия как ошибка и как прием. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 31–42. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-31-42

For citation:

Zaika, V. I. (2023). Speech anomaly as a mistake and as a technique. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 31–42. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-31-42